

Сорокин Пителир Александрович

Социокультурная динамика и эволюционизм

Пителир Александрович Сорокин
Социокультурная динамика и эволюционизм

I

Сдвиг в изучении "что" социокультурных изменений.

1. XIX век. Наши сегодняшние представления о социокультурной динамике значительно отличаются от представлений, бытовавших в XVIII и XIX веках. Мы до сих пор пользуемся термином О. Конта "социальная динамика", но подразумеваем под этим нечто отличное от того, что имели в виду Конт и представители общественных и гуманитарных наук в XIX веке. В социологии, общественных и гуманитарных науках XX века по сравнению с общественными и гуманитарными науками двух предшествующих столетий произошел значительный сдвиг в изучении "что", "как" и "почему" социокультурных изменений и их единообразия.

Социокультурное изменение представляет собой сложный многоплановый процесс. Оно имеет множество различных аспектов, каждый из которых может стать самостоятельным предметом исследования социальной динамики, и внимание исследователей может быть сосредоточено то на одном, то на другом его аспекте. Аспекты социокультурного изменения, находящиеся в центре внимания сегодня, уже не те, что интенсивно изучались в XVIII и XIX веках. Общественно-научная мысль XVIII и XIX веков была занята большей частью изучением разнообразных линейных тенденций развития, разворачивающихся во времени и в пространстве. Она оперировала главным образом понятием человечества вообще и стремилась отыскать "динамические законы эволюции и прогресса", определяющие магистральное направление человеческой истории. Сравнительно мало внимания уделялось социокультурным процессам, повторяющимся в пространстве (в разных обществах), во времени или в пространстве и во времени. В противоположность интересу, доминировавшему в XVIII и XIX веках, главный интерес философии общественных и гуманитарных дисциплин в XX веке сместился в сторону изучения социокультурных процессов и связей, остающихся неизменными везде и всегда или повторяющихся во времени и пространстве или во времени и в пространстве ритмов флуктуаций, осцилляций, "циклов" и их периодичности. Таково главное отличие в изучении "что" социокультурного изменен в XX веке по сравнению с предыдущими двумя столетиями. Попробуем кратко прокомментировать этот сдвиг.

В XVIII и XIX веках подавляющее большинство ученых, философов, представителей общественных и гуманитарных наук твердо верили в существование вечных линейных тенденций изменения социокультурных явлений. Основное содержание исторического процесса заключалось для них в развертывании и все более полной реализации этой "тенденции прогресса и эволюции", стабильной "исторической тенденции" и "закона социокультурного развития". Одни изображали эти тенденции в виде прямой линии, другие - в виде "спирали", третьи - в виде волнообразной линии разветвления с небольшими временными возвращениями в исходное положение. Это все лишь разновидности концепции поступательного развития как основы социокультурного процесса (*). Поэтому главной целью и главной заботой естествоиспытателей, философов, представителей общественных и гуманитарных наук в эти столетия были отыскание и описание этих "вечных законов прогресса и эволюции" и разработка основных стадий, или фаз, которые проходит этот процесс, все более полно реализуясь во времени. На отыскании, описании и подтверждении существования тенденций и соответствующих им стадий были сосредоточены усилия биологии и социологии, философии, истории, социальной философии и других общественных и гуманитарных наук XIX века. Хотя, например, в истории эти тенденции

занимают сравнительно немного места, в самом изложении исторических событий, однако, они служат как бы путеводной звездой, принципом обоснования при упорядочении и интерпретации конкретного фактического материала. В этом смысле вся общественная мысль XVIII и XIX веков отмечена верой в линейные законы эволюции и прогресса.

(* О четырех разновидностях линейных концепций социокультурного изменения см. мою книгу: *Social and Cultural Dynamics*. N. Y., 1937. Vol. I. Chap. 4. *)

В физико-химических науках эта вера выразилась в появлении и быстром утверждении принципа энтропии Карно-Клаузиуса как вечного и необратимого направления изменения в любой термодинамической системе (*), включая Вселенную.

(* Об энтропии см.: Clausius R. *Le second principe Fondamental de la theorie mecanique de chaleur* // *Revue des cours scientifique*. Paris, 1868. P. 158; Duhem P. *L'evolution de la mecanique*. Paris, 1902; Poincare H. *Thermodynamique*. Paris, 1892. *)

В биологии господство этой точки зрения проявилось в открытии и всеобщем понятии "закона эволюции", почти единодушно толкуемого как линейная тенденция в прямолинейной, спиралевидной, разветвляющейся и других разновидностях прогрессивного нарастания дифференциации и интеграции; перехода от простого к сложному, от "низшего к высшему", от "менее совершенного к более совершенному", "от амебы к человеку", от рефлексов и инстинктов к рассудку и разуму, от отдельного индивида к семье, племени, современному государству; и также в убеждении, что несмотря на узколобых и реакционных политиков, не мы, так наши потомки увидят весь человеческий род объединенным в "Сообщество наций", "Всемирную федерацию". "Весь ход эволюции характеризуется непрерывным исчезновением менее приспособленных и выживанием более приспособленных ... устранением антисоциального и ростом специализации и кооперации" (*). Линейная интерпретация биологической и социальной эволюции была до сих пор и остается (пусть и не столь явной сегодня) главной догмой биологии.

(* Conklin P. *The Direction of Human Evolution*. N. Y. 1925. P. 15, 17, 75, 78. Теория биосоциальной эволюции Конклина вполне типична для концепции биологической эволюции, преобладавшей в XIX и частично в XX веке. Так же линейно, но, правда, не столь антропоморфно биологическая эволюция понималась и рядовыми биологами XIX века. Сходятся с таким пониманием и формулы эволюции Милн-Эдвардса, К. фон Баэра, Герберта Спенсера и Э. Геккеля. Близки к ним и теории биологической эволюции Дж. А. Томпсона, Дж. С. Хаксли, С. Л. Моргана, сэра А. С. Вудворда и даже многих биологов XX века. Они не только являются линейными, но и отождествляют эволюцию с прогрессом. Ср.: Haeckel E. *Prinzipien der generellen Morphologie*. Tuebingen, 1906; Smuts J. C. *Holism and Evolution*. N. Y., 1925; и материалы двух симпозиумов по эволюции: *Creation by Evolution*. N. Y., 1928 и *Evolution in the Light of Modern Knowledge*. N. Y., 1925. *)

То же самое справедливо в отношении концепции социокультурного изменения, господствовавшего в философии, социальной философии, философии истории XVIII и XIX веков. Типичны в этом смысле концепции Гердера, Фихте, Канта и Гегеля. И Гердер и Кант видели главную тенденцию исторического процесса в прогрессивном сокращении насилия и войн, стабильном расширении сферы мира и росте справедливости, разума и нравственности (*). Для Фихте человеческая история в целом представляет собой последовательность 5 стадий - все более полную реализацию свободы, истины, справедливости и красоты. По Гегелю, основное направление исторического процесса заключается в прогрессирующем росте свободы: от свободы для никого на заре человеческой истории, через стадии свободы для одного, свободы для некоторых и кончая свободой для всех (**).

(* Herder I. *Outlines of a Philosophy of the History of Man*. London, 1803; Kant I. *The Idea of a Universal History on a Cosmo-Political Plan*. Hanover, 1927. *)

(** Fichte I. *Characteristics of the Present Age*. 1804; Hegel G. *Philosophy of History*. New York; London, 1900. **)

Для социологии и социальной философии XIX века показательны общие теории социальной динамики Тюрго, Кондорсе, Бурдена, Сен-Симона, Конта и теория эволюции

Герберта Спенсера. Для Конта весь исторический процесс есть последовательный переход человеческого мышления, культуры и общества от теологической стадии к метафизической и затем к позитивной. Поэтому "социальная динамика" Конта вряд ли может иметь дело с какими-либо повторяющимися социокультурными процессами, она целиком посвящена выведению и подтверждению его "закона трех стадий". "Социальная динамика" Спенсера представляет собой простое приложение его формулы эволюции-прогресса, согласно которой весь социокультурный универсум переходит со временем из состояния неопределенной бессвязной однородности в состояние определенной согласованной разнородности с растущей дифференциацией и интеграцией человеческой личности, культуры и общества (*).

(* Conte A. Cours de philosophie positive. Vol. 1. Paris, 1877. P. 8, ff и остальные тома; о теориях его предшественников см.: Mathis R. La loi des trois etats. Nancy, 1924. См. также: Spencer H. First Principles. London, 1870. Chap. 22 et passim; Principles of Sociology. London, 1885. 3 Vols. Несмотря на то что спенсеровская формула эволюции-прогресса включает и противоположный эволюции процесс разложения, Спенсер опускает этот аспект при рассмотрении социокультурной эволюции-прогресса. Такое пренебрежение этим противоположным процессом весьма симптоматично для всего направления. *)

Находясь во власти таких линейных представлений о социокультурном изменении, большинство социологов и ученых-обществоведов XIX века сводили изучение динамики социокультурных явлений даже в чисто фактографических исследованиях главным образом к выявлению и определению различных линейных тенденций, последовательных стадий развития, исторических тенденций и законов эволюции исследуемых явлений. В результате большинство открываемых ими "единообразий изменения" приобретало линейный характер. Вот лишь несколько тому примеров (*). Теория Фердинанда Тенниса, согласно которой человечество со временем переходит от объединений типа *Gemeinschaft* (***) к объединениям типа *Gesellschaft* (***), является линейной теорией. Теория постепенной эволюции от общества, основанного на "механической" солидарности, сопровождающейся заменой "репрессивного" права "реститутивным", тоже линейная теория. К разряду линейных относится и социальная динамика Лестера Ф. Уорда, постулирующая нарастающий с течением времени телеологический, кругообразный, искусственный, самонаправляющийся и самоконтролирующийся характер человеческой адаптации; и динамика "убывающего влияния физических законов и возрастающего влияния психических законов" Г. Т. Бокля; и законы перехода обществ от "простых" к "составным" ("двух-", "трехсоставным" и т. д.) Герберта Спенсера и Дюркгейма. Не менее линейна и сформулированный Д. Новиковым закон эволюции борьбы за существование: от самых ранних форм кровавого "физического истребления" к менее кровавой "экономической" борьбе, а затем к политической борьбе и от нее к последней бескровной форме чисто "интеллектуального" соревнования; и разделяемая десятками обществоведов точка зрения на историю как на прогрессивное увеличение сферы мира и сокращение сфер войны; сформулированный А. Костом закон пяти стадий эволюции социальных структур от "Burg" к "City", "Metropolis", "Capitol" и, наконец, к "World Center of Federation" и "закон высоты" П. Мужеля, согласно которому наиболее крупные поселения и города основываются со временем на все меньших и меньших высотах; и подобные представления об исторических тенденциях движения цивилизаций на запад, на восток или на север, разделяемые разными авторами; и утверждаемое А. Гобино историческое движение от чистых и неравноценных рас к смешанным и равноценным с вырождением "человеческого стада, застывшего в своем ничтожестве"; и конец человеческой цивилизации как последний пункт этого движения; и сформулированный Л. Винарским закон социальной энтропии, ведущей ко все большему социокультурному выравниванию каст, социальных групп, классов, рас и индивидов и в конце концов - к безжизненному социокультурному равновесию и концу человечества; и извечная тенденция ко все более глубокому и полному равенству, понимаемая как положительное направление истории (в противоположность ее пониманию как смерти общества и культуры), отстаиваемая множеством социологов,

антропологов, политологов, этиков, философов и историков. Даже теории социальной динамики Е. де Роберта и Карла Маркса были не вполне свободны от этого линейного "наваждения" XIX века: если сам Маркс не дал ясно очерченной теории последовательных стадий социальной эволюции, то тем не менее он постулировал одно-единственное эсхатологическое направление истории: тенденцию к социализму как конечной стадии социального развития человечества. Его последователи, начиная с Энгельса, Бебеля и Каутского и кончая Г. Куновым и целым легионом менее выдающихся марксистов, изобрели целый ряд исторических законов эволюции - экономических, политических, ментальных, религио-зных, семейных и других социокультурных явлений с соответствующими стадиями развития.

(* Библиографию работ всех упоминаемых авторов см. в моих кн.: *Contemporary Sociological Theories*. N. Y., 1928, *Social and Cultural Dynamics* (все четыре тома). Воспроизведение такой обширной библиографии в этой короткой статье заняло бы слишком много места. *)

(** *Общность* (нем.). **)

(*** *Общество* (нем.). ***)

Как и Маркс, Е. де Роберти и некоторые другие ученые не слишком стремились изобретать разнообразные извечные тенденции и стадии развития, но даже они считали основной тенденцией исторического процесса рост концептуальной мысли в одной из четырех ее форм (научной, философской или религиозной, эстетической и рационально-прикладной), как их сформулировал Е. де Роберти. Г. де Гриф, как и многие другие политологи, исходил из тенденции политической эволюции, направленной от ранних режимов, основанных на силе, к общественной организации, основанной на свободных договорных отношениях. Направление движения от "состояния войны" к "культурному состоянию, указанное Г. Ратценхофером и Албионом Смоллом, или противоположное, как у П. Лиленфельда, - от раннего типа децентрализованных и неуправляемых политических групп к режимам централизованного, авторитарного и организованного политического контроля; или направление социального развития, по Л. Т. Хобхаузу: общество, основанное на родстве; общество, основанное на власти, и, наконец, конечная стадия - общество, основанное на гражданстве; или у Ф. Гиддингса: "зоогеническая, антропогеническая, этногени-ческая и демогеническая" стадии социокультурного развития (последняя стадия в свою очередь делится на несколько линейных подстадий: военно-религиозную, либерально-легальную и экономико-этическую - все эти теории являются разновидностями концепций линейного развития, большое число которых было предложено обществоведами XIX и начала XX века. К ним вполне могут быть отнесены десятки описанных социологией и антропологией, историей и правом тенденций эволюции семьи, брака и родства - все эти отношения имеют однообразные стадии развития: от промискуитета "первобытных" половых отношений к моногамной семье (проходя 3, 4 или 5 стадий в зависимости от воображения таких авторов, как Дж. Бахофен, Дж. Ф. Макленнап, сэра Джон Люббок, Ф. Энгельс, А. Бабель, Л. Г. Морган и многие другие); от патриархальной семьи - к родственной семье, основанной на равенстве полов; от патрилинейной к матрилинейной системе наследования и родства или наоборот; от равенства к неравенству полов или наоборот - предлагались все возможные направления развития.

В этих и других общественных и гуманитарных науках громогласно "открывались" все новые и новые вечные исторические тенденции и их стадии развития: от фетешизма или тотемизма к монотеизму и иррелигиозности; от религиозных и магических суеверий к рациональному научному мышлению; от этической дикости к разумному нравственному человеку; от первобытного уродства к возрастающей и совершенствующейся красоте и т. д. и т. п. Ученые, работавшие в области политических наук, без колебаний формулировали целый ряд разнообразных "законов прогрессивной политической процесс-эволюции": от "авторитарных монархий к демократической республике" или наоборот (в зависимости от политических симпатий ученого); от прямой демократии к представительной демократии

или наоборот; от первобытной анархии к централизованному управлению или наоборот; от "правительства силы к правительству общественного служения"; и каждое направление - с последовательными промежуточными стадиями, определенным образом сменяющимися друг друга в более или менее единообразной последовательности. И в экономике многие выдающиеся мыслители были заняты экономическими тенденциями развития и стадиями, которые должны проходить, как они полагали, все народы. Стадии экономического развития, по Ф. Листу: варварская, пастушеская, земледельческая, земледельческо-промышленно-коммерческая; теория трех стадий Б. Хилдебранда: Naturalwirtschaft (*), Geldwirtschaft (**), Creditwirtschaft (***), закон 3 стадий Карла Бучера: натуральное хозяйство, город и национальная экономика; теория 5 стадий Густава Шмоллера - все они могут служить типичными примерами таких линейных "экономических динамик". Экономическая наука прошлого века также линейно рассматривала и экономическую эволюцию от коллективного сельского хозяйства к индивидуальному или наоборот; от первобытного коллективизма к капиталистическому индивидуализму или наоборот и т. д., вплоть до еще более частных тенденций, якобы имеющих место в процессе экономического изменения.

(* Природно-хозяйственная (нем.). *)

(** Денежно-хозяйственная (нем.). **)

(*** Кредитно-хозяйственная (нем.). ***)

Такая же линейная концепция исторического изменения господствовала в археологии и истории. Если в фактологических работах при непосредственном изложении исторических событий обсуждение тенденций, направлений и законов эволюции-прогресса не занимало много места, то такие тенденции и законы (разделяемые социологами и историками) служили путеводными звездами и полномочными принципами организации хаотического материала и особенно его интерпретации. Археологический и исторический "закон технологической эволюции" с его стандартизированными стадиями - Палеолит, Неолит, Медный, Бронзовый, Железный и Машинный век - лишь один из линейных законов, которым историки руководствуются как фундаментальным принципом при упорядочении материала. Другим таким принципом является и сама линейно истолкованная идея прогресса, послужившая действительным основанием для большей части исторических трудов XIX века. От этой идеи не были свободны даже авторы явно описательных работ, открыто выступавшие против "философствования" в истории. Типичным примером тому служит "Кембриджская Новая история", на одной из первых страниц которой, несмотря на антипатию ее авторов и редакторов ко всякой философии истории, мы читаем: "Мы хотим открыть непреходящие тенденции. ... Мы принимаем прогресс в человеческих отношениях как научную гипотезу, в соответствии с которой должна быть написана история. Этот прогресс неизбежно должен быть направлен к какой-то цели" (*). Вряд ли стоит добавлять, что и в других якобы чисто фактологических повествованиях историки XIX века, начиная с Моммзена, Л. фон Ранке, Ф. де Куланжа, Ф. Гизо и кончая авторами "Кембриджской Новой истории", действительно сформулировали множество линейных законов эволюции во всех областях социальной и культурной жизни (**).

(* Cambridge Modern History. Pop. ed. N. Y., 1934. Vol. 1. P. 4. Эта работа, заметьте, была написана в XIX веке. Современный пример, Fischer H. History of Europe. London, 1905, где заявление: "на страницах истории черным по белому написано "прогресс" (Vol. 1. P. VII), противоречит провозглашенному неприятию исторических генерализаций. *)

(** Так, в уже цитированной выше "Кембриджской Новой истории" читаем: "Практическое применение научных знаний будет расширяться и... грядущие века станут свидетелями безграничного роста власти человека над природными ресурсами и разумного использования их на благо человеческого рода" (Vol. XII. P. 791). **)

Итак, социологии, другим общественным, философским и даже естественным наукам XIX века центральная проблема физической, биологической и социокультурной динамики казалась очень простой - следовало лишь отыскать и описать линейные тенденции, которые якобы разворачиваются во времени. В области социокультурных изменений задача

упростились невероятно: все было сведено к построению главной линии развития - прямой, волнообразной, ветвящейся или спиралеобразной, ведущей от "первобытного" человека, общества, культуры к современным. Вся история была расписана как школьная программа, по которой "первобытный" человек или общество - первоклассник заканчивает начальную школу, затем среднюю (или проходит другие ступени, если их в классификации больше 4) и, наконец, оказывается в выпускном классе, который называется "позитивизм", или "свобода для всех", или еще как-нибудь в зависимости от фантазии и вкусов автора.

2. XX век. Уже в XVIII и XIX веках изредка раздавались голоса, остро критиковавшие эту догму и предлагавшие иные теории социокультурной динамики. В XX веке эти голоса умножились и, наконец, возобладали. Первым результатом этого изменения стала все расширяющаяся критика положений линейной теории социокультурного изменения и линейных законов, сформулированных биосоциальными науками прошлого столетия. Эта критика имеет под собой как логическую, так и фактологическую почву.

Критиковавшие логику линейных теорий показали, что, во-первых, линейный тип изменения лишь один из многих возможных; во-вторых, для того чтобы линейное движение или изменение было возможно, изменяющийся объект должен либо находиться в абсолютном вакууме и не испытывать воздействия внешних сил, либо действие этих сил на протяжении всего процесса изменения должно быть скомпенсировано, т. е. эти силы должны находиться в таком "замечательном равновесии", чтобы они могли нейтрализовать друг друга в каждый момент времени и, таким образом, позволить изменяющемуся объекту двигаться в одном направлении, будь движение прямолинейным, спиралеобразным или колебательным.

Очевидно, что реализовать обе эти предпосылки практически невозможно; даже "материальная точка" в механике никогда не движется ни в абсолютном вакууме, ни под действием полностью компенсирующих друг друга сил; даже материальные тела находятся под влиянием хотя бы двух сил: инерции и гравитации, которые силой инерции превращают их прямолинейное и единообразное движение в круговое или криволинейное. Это также верно и в отношении нематериальных объектов. А если принять во внимание тот факт, что человек, общество и культура - гораздо более сложные "тела", что они подвержены постоянному влиянию неорганических, органических и социокультурных сил, то их линейное изменение на протяжении всего исторического времени становится еще менее вероятным. Прибавьте к этому и тот неоспоримый факт, что каждая из этих "единиц изменения" сама постоянно изменяется в процессе своего существования и таким образом может изменять направление социокультурного изменения, и тогда утверждение о вечной линейности потеряет всякий смысл.

В силу этой и других подобных причин теория вечных линейных тенденций все чаще отвергалась и заменялась другой, которую можно было бы назвать принципом предела в линейной тенденции изменения. Согласно данному принципу, линейно развиваются лишь некоторые социокультурные явления на протяжении ограниченных отрезков времени, которые различны для разных социокультурных единиц. Из-за постоянных изменений самих единиц, изменения и непрекращающегося воздействия огромного числа внешних по отношению к ним сил временно линейный характер их движения нарушается и сменяется "поворотами и отклонениями"; в результате глобальный процесс социокультурного изменения приобретает нелинейный характер (*).

(* Систематический анализ нелинейных форм развития см. в моей кн.: *Social and Cultural Dynamics*. Vol. I. Ch. 4; Vol. IV. Ch. 12-16 et passim в остальных томах. *)

В-третьих, многие другие предположения, лежащие в основе линейных теорий, такие как спенсеровский принцип "нестабильности однородного", оказались необоснованными - логически и фактологически.

В-четвертых, было показано, что логическая структура линейных теорий внутренне противоречива. Например, теория Спенсера утверждает, что высшим проявлением единообразия всех видов изменения, начиная с движения материальных тел и кончая

социокультурными процессами, является ритм, в котором чередуются фазы эволюции и разложения, интеграции и дезинтеграции, дифференциации и де-дифференциации. Если последовательно применить эту теорию к изменению социокультурного явления, то она будет противоречить любой неограниченной линейной теории эволюции. Она предполагает, что "эволюция" и ее направление должны смениться "разложением" с направлением, противоположным или хотя бы отличающимся от направления "эволюции". Находясь во власти линейной концепции, Спенсер пренебрегает этим требованием своей собственной теории и, выделяя лишь направление эволюции, не только противоречит своим собственным принципам, но и сталкивается с целым рядом других трудностей (*). То же самое с небольшими поправками можно сказать практически обо всех линейных теориях изменения.

(* См. об этом мою: *Dynamics*, vol. IV, p. 670-693 et passim. *)

В-пятых, в линейных теориях уязвимо для критики оперирование "человечеством" как единицей изменения. Большинство этих теорий прослеживает соответствующую линейную тенденцию в истории человечества в целом. Линейные теории, не касающиеся важнейшего вопроса о том, может ли "человечество", ни в коей мере не объединенное в какую-либо реальную систему в прошлом, рассматриваться как единица изменения, происходящего с "начала человеческой истории по настоящее время", вряд ли имеют какое-либо реальное значение. Очевидно, что такая тенденция не может реализоваться и в жизни-истории каждого человека, потому что миллионы людей в прошлом жили и умирали, не достигая позднейших ступеней заданного пути и не проходя всех его якобы необходимых этапов. Таким же образом подавляющее большинство человеческих сообществ существовало и исчезало, находясь на начальных стадиях того или иного направления развития, а тысячи современных обществ до сих пор находятся на самых ранних ступенях развития. В то же время многие сообщества никогда не проходили начальных стадий развития, а возникали уже с характеристиками более поздних этапов.

Далее, огромное число обществ и групп прошли в своем развитии не те этапы, которые описываются соответствующими "законами эволюции-прогресса", и в отличной от предписанной этими "законами" временной последовательности. Иные группы показали регресс от более поздних стадий к более ранним. И, наконец, в жизни каждого индивида, группы и человечества в целом в каждый данный момент времени можно обнаружить сосуществование множества стадий развития - от самых ранних до наиболее поздних. Если теперь из "человечества", к которому предположительно относится этот закон, исключить всех индивидов и все группы людей, развитие которых отклоняется от направления "закона эволюции" с его стадиями, то останется (если вообще что-нибудь останется) совсем небольшая группа, "историческое изменение" которой подчиняется так называемым универсальным тенденциям и законам линейного развития. Одного этого довода достаточно, чтобы считать эти тенденции и законы в лучшем случае частными закономерностями, относящимися лишь к очень небольшой части человечества, а никак не универсальными законами социокультурной эволюции.

К этой и аналогичной логической критике положений и принципов разнообразных линейных теорий социокультурного изменения может быть добавлена не менее существенная фактологическая критика. Суть этой критики в подборе обширного фактического материала, явно противоречащего провозглашенным тенденциям и законам. Социологи, психологи, философы, историки, этнографы и другие ученые показали, что эмпирические процессы жизни-истории индивидов и групп людей не соответствуют воображаемым тенденциям развития и не проходят соответствующих этапов развития. Факты явно противоречат утверждениям о существовании каких-либо универсальных и вечных линейных тенденций или каких-либо универсальных стадий эволюции, относящихся ко всему человечеству, к любым группам и индивидам.

Результатом логической и фактологической критики линейной динамики на протяжении двух последних столетий стал наблюдаемый в XX веке спад энтузиазма открывателей таких тенденций и законов. Попытки продолжить создание таких динамик

конечно, не исчезли полностью, но их становится все меньше и меньше и они все чаще ограничиваются отдельными обществами временными и многими другими рамками и оговорками.

Находя теории социальной динамики линейного толка мало продуктивными, исследователи сосредоточились на других аспектах социокультурного изменения, и прежде всего на его постоянных и повторяющихся чертах, силах, процессах, взаимосвязях, проявлениях единообразия.

Внимание социологии и других общественных наук к постоянным чертам социокультурного изменения проявлялось по-разному.

Во-первых, тщательно изучались постоянные силы, или факторы, социокультурного изменения и постоянные проявления социокультурной жизни и организации. Сторонники механической и географической школ, например, исследовали с этой точки зрения различные формы энергии (В. Оствальд, Е. Солвэй, Л. Винарский, В. Бехтерев и др.) или особые космические силы климат, солнечные пятна и другие географические факторы (Э. Ханнингтон, В. С. Дживанс, Г. Л. Мур и др.), и описали их постоянные воздействия на социальные и культурные явления, начиная с экономических изменений и кончая подъемом и падением наций. Приверженцы биологической и физиологической школ в социологии и общественных науках брали в качестве таких постоянных сил наследственность, расу, инстинкты, рефлексy, различные физиологические порывы, жизненные процессы, эмоции, чувства, желания, "резидуи", идеи и пытались доказать постоянное социокультурное действие каждой биопсихологической переменной (Зигмунд Фрейд, психоаналитики, сторонники теории наследственности, такие как Ф. Гальтон, Карл Пирсон и др., Г. С. Чемберлен, О. Аммон, В. де Лапуж, К. Ломброзо, Е. А. Хутон и другие представители расово-антропологической школы; биохевиорист Джон Б. Уотсон; психологи Уильям Мак-Дугалл, Ч. А. Эллвуд, Е. А. Росс, Е. Л. Торндайк, У. И. Томас, Вильфредо Парето, Л. Петражицкий, Г. Блюхер, Уильям Троттер, Грэхем Уоллес, Лестер Ф. Уорд, Уильям Грэхем Саммер, Габриэль Тард, Торстейн Веблен и др.). Другие социологи пытались выявить действие на остальные социокультурные явления таких разнообразных условий, как плотность и численность населения, "изобретательность", "экономический" или "религиозный" и другие факторы вплоть до "мобильности", "моральной плотности", "общественной аномии". Во всех этих исследованиях делались попытки высветить постоянную роль каждого из этих "факторов-переменных" в поведении людей, в социальной структуре и культурной жизни, постоянное действие каждого из этих факторов и, наконец, объяснить "как" и "почему" колебаний и изменений самих этих факторов.

Во-вторых, внимание к постоянным и повторяющимся чертам социокультурного изменения проявилось в глубоком изучении постоянных и всегда повторяющихся процессов в социокультурном универсуме. Значительное место в социологии XX века занимают исследования таких всегда повторяющихся процессов, как изоляция, контакт, взаимодействие, амальгамация, культивация, изобретение, имитация, адаптация, конфликт, отчуждение, дифференциация, интеграция, дезинтеграция, организация, дезорганизация, диффузия, конверсия, миграция, мобильность, метаболизм etc., с одной стороны, а с другой стороны - исследования этих повторяющихся процессов, поскольку они касаются вопросов групповой динамики, того, как общественные группы возникают, организуются, обретают и теряют своих членов, как распределяют их внутри группы, как они меняются, дезорганизуются, как они умирают и т. д. (Габриэль Тард, Георг Зиммель, Леопольд фон Визе, Роберт Е. Парк, Эрнст У. Берджес, Е. А. Росс, Эмори Богардус, Коррадо Джини, П. Карли, Питирим Сорокин и авторы почти всех учебников социологии). Таким образом, в социологии XX века был проведен тщательный анализ основных социокультурных процессов, постоянно повторяющихся в жизни-истории любого общества в любое время.

Третьим проявлением внимания к повторяющимся процессам было интенсивное изучение устойчивых и повторяющихся значимо-причинно-функциональных связей между различными космосоциальными, биосоциальными и социокультурными переменными, как

они выступают в постоянно изменяющемся социокультурном мире. Несмотря на то что эти отношения изучались уже в XIX веке, в наше время их исследование необычайно углубилось. Основные условия географической, биологической, психологической, социологической и механической школ в социологии XX столетия были направлены как раз на отыскание и описание причинно-функциональных или причинно-значимых единообразии во взаимосвязях между двумя или несколькими переменными: между климатом, мышлением и цивилизованностью; между солнечными пятнами, деловой активностью и уровнем преступности; между наследственностью и той или иной социокультурной переменной; между технологией и философией или изобразительным искусством; между плотностью населения и идеологией; урбанизацией и преступностью; формами семьи и формами культуры; общественным разделением труда и формами солидарности; общественной аномией и числом самоубийств; состоянием экономики и преступностью, душевными расстройствами, внутренней напряженностью, беспорядками или войнами; между формами религии и формами политической и экономической организации и т. д. и т. п., начиная с самых узких и кончая предельно широкими. Эти исследования дали множество формул причинно-функциональных и причинно-значимых единообразии, повторяющихся в развитии различных обществ и в каждом обществе в различные периоды. Проверив многие подобные обобщения, сделанные ранее, ученые нашли их либо совершенно ложными, либо нуждающимися в серьезных исправлениях.

Наконец, четвертым проявлением внимания к устойчивым и повторяющимся аспектам социокультурного изменения стало изучение постоянно повторяющихся ритмов, осцилляций, флуктуаций, циклов и периодичностей в ходе социокультурного процесса. Занятые поисками линейных тенденций, социология и все общественные науки XIX века уделяли мало внимания этим повторяющимся чертам социокультурного изменения. За небольшим исключением (Гегель, Тард, Феррара, Данилевский и некоторые другие), обществоведы и социологи прошлого века пренебрегали богатой традицией китайских и индийских мыслителей, традицией Платона, Аристотеля и Полибия, Ибн Хальдуна и Дж. Вико, сосредоточивших свои исследования социальной динамики на повторяющихся циклах, ритмах, осцилляциях, периодичностях, а не на вечных линейных тенденциях. XX век подвел итоги работы этих мыслителей и энергично их продолжил.

Самые первые в общественных и гуманитарных науках XX века и наиболее глубокие исследования циклов, ритмов, флуктуаций и периодичностей появились в теории и истории изобразительного искусства, а затем в экономике, в исследованиях промышленных циклов. Большинство же социологов и других представителей общественных и естественных наук несколько отстали в изучении повторяющихся единообразии, так как они с опозданием обратились к новой области исследований. Даже сегодня многие социологи не отдают себе отчета в том, что произошел решительный отход от линейных тенденций и что научный интерес сместился на повторяющиеся ритмы и периодичности. Раньше или позже, но во всех общественных, философских и даже естественных науках произошла или происходит смена исследовательского интереса. Со значительным опозданием осознали это естественные науки, и теперь даже открыт Институт изучения циклов в области физико-химических и биологических явлений. Что касается всей совокупности философских, общественных и гуманитарных дисциплин XX века, то они уже дали значительное число научных работ, посвященных социокультурным ритмам, циклам и периодичностям в изобразительном искусстве и философии, этике и праве, экономике, политике, религии и других социокультурных процессах. Одно только перечисление всех единообразий ритма и темпа, типов и периодичности флуктуаций и других важных результатов этих исследований заняло бы несколько сотен страниц, как это произошло в моей "Динамике" (*). Целый ряд ритмов с двумя, тремя, четырьмя и большим числом фаз, периодических и не периодических, коротких и продолжительных, в узких и широких, простых и сложных социокультурных процессах выявили и проанализировали: в искусстве - У. М. Ф. Петри, О. Г. Кроуфорд, П. Лигети, Г. Вельфлин, Ф. Мантре, Дж. Петерсен, Е. Уэкслер, У. Пиндер, П. Сорокин и многие

другие; в философии - К. Джоел, П. Сорокин и другие; в экономических процессах - большая группа экономистов, начиная с М. Туган-Барановского и кончая Уэсли Митчелом и Джозефом Шумпетером; в политических процессах - О. Лоренц; в культурных образцах - А. Л. Кребер; в жизни-истории функционирования обширных социокультурных систем и суперсистем - Л. Вебер, Альфред Вебер, Освальд Шпенглер, Арнольд Дж. Тойнби, Сорокин и многие другие. Линейная последовательность стадий, или фаз, социокультурного процесса во времени тоже получала более надежную основу благодаря изучению ритма и последовательности фаз. Оставив охоту за какими-то странными и сомнительными последовательностями стадий линейного процесса, проходящего через всю человеческую историю, которой занимались в XIX веке, и сосредоточившись на изучении повторяющихся процессов, исследователи XX века смогли показать существование многих ритмов с определенной повторяющейся временной последовательностью фаз. Наконец, эти работы значительно расширили наши познания в области периодичности и длительности разнообразных социокультурных процессов.

(* Видимо, наиболее полный и сжатый обзор и анализ, основных исследований социокультурных ритмов, циклов, периодичностей и единообразий темпов дан в моей работе "Social and Cultural Dynamics". Vol. IV. Ch. 6-11. et passim во всех ее четырех томах. Как уже отмечалось, большинство социологов с опозданием обратили должное внимание и направили свои усилия на изучение этих явлений. Несмотря на всевозрастающее в XX веке количество монографической литературы, посвященной ритмам, циклам, флуктуациям, периодичностям, в социологии, общественных, гуманитарных, философских и естественных науках, в большинстве социологических работ, даже самых современных, эти вопросы либо просто обходятся, либо им уделяется слишком мало внимания. *)

Итак, социология и все общественные науки XX века нашли изучение ритмов, циклов, темпов и периодичностей более продуктивным, дающим более богатые и определенные результаты, чем поиски извечных исторических путей развития, которыми они занимались в XIX веке. Не остается сомнений, что ритмы и повторяющиеся процессы будут изучаться еще тщательнее, усерднее, интенсивнее в последующие десятилетия и, по всей вероятности, на этом пути общественные науки ждут гораздо большие достижения, чем в XIX веке.

Таковы вкратце основные изменения в изучении "что" социальной динамики, происшедшие в социокультурной мысли XX века в сравнении с XIX.

II

Новое в изучении "почему" социокультурного изменения. Параллельно с обрисованным выше сдвигом в рассмотрении "что" социокультурного изменения ряд изменений произошел и в изучении "почему" и "как", его причин и механизмов. Опять-таки данные изменения не представляют собой нечто абсолютно новое, совершенно неизвестное социологии и общественным наукам XIX века. Они скорее явились результатом смещения основного исследовательского интереса и смены господствующей модели мышления, дальнейшим прояснением того, что было недостаточно ясно в XIX столетии, и более отчетливой дифференциацией того, что было тогда недостаточно дифференцировано.

Во-первых, сегодня придается больше веса социокультурным переменным как факторам социокультурного изменения. Несмотря на то что теории, в которых подчеркивается важная роль географического, биологического и психологического факторов в социокультурном изменении, продолжают развиваться, они вряд ли добавили что-либо к тому, что уже было сказано ими в прошлом веке. Основные достижения и основной взгляд принадлежат социологическим теориям, которые рассмотрели различные социальные и культурные факторы как главные движущие силы социокультурного изменения. Тщательные исследования изменения числа самоубийств и преступлений, экономических колебаний, войн и революций, смены политических режимов, стилей в изобразительном искусстве или динамики обширных культурных и социальных систем со всевозрастающей надежностью подтверждают догадку о том, что основные факторы этих изменений находятся в самих социокультурных явлениях и тех социокультурных условиях, в которых они происходят и

функционируют. Оказывается, что внешние по отношению и ним географические и биологические силы являются второстепенными факторами, способными облегчить движение социокультурной системы или подорвать и даже сокрушить ее, но, как правило, не определяющими ее нормальное развитие, взлеты падения, основные качественные и количественные изменения в ее жизни-истории. Направление факторного анализа получило свое естественное завершение в ряде систематических теории имманентного социокультурного изменения, согласно которым каждая социокультурная система несет в себе семена своего собственного изменения и гибели. Таким образом, в нашем столетии возродились и развиваются старые теории имманентного изменения Платона и Аристотеля, Полибия и Вико, Гегеля и Маркса, Момзена и Конта, которыми так или иначе пренебрегали в прошлом веке (*).

(* Об этих теориях и принципах имманентного изменения см. мою "Dynamics" (vol. IV, ch. 12, 13), в которой дан, вероятно, самый полный в социологической литературе обзор и анализ этого вопроса. *)

С развитием этих теорий в социологической мысли нашего века произошло второе изменение, состоявшее в придании все большего значения и особой роли имманентным, или внутренним, силам каждой данной социокультурной системы в ее жизнедеятельности и в придании меньшего веса и лишения особого значения факторов, внешних по отношению к данной социокультурной системе (*). Господствующим направлением факторного анализа социального изменения в XIX веке было объяснение изменения каждого данного социокультурного явления будь то семья или деловое сообщество, литература или музыка, наука или право, философия или религия - посредством изучения внешних по отношению к данному явлению факторов (географических, биологических и других социокультурных условий, внешних по отношению к данной социокультурной системе). В XX веке ученые все чаще обращаются к основаниям главных изменений в функционировании данной социокультурной системы во всей совокупности ее собственных актуальных и потенциальных свойств и ее связях с другими социокультурными явлениями. Все внешние силы (географические, биологические и социокультурные), с которыми система непосредственно не связана, должны рассматриваться, как правило, лишь как второстепенные факторы, подрывающие либо облегчающие (а иногда даже уничтожающие) реализацию потенциалов системы (**).

(* Это не относится к социокультурным совокупностям несистемного характера (congeries). О различии между системой и congeru см. в моей "Dynamics" (vol. IV, ch. 1-4). *)

(** Об этом см. упоминавшиеся выше том и главы "Dynamics". Следует отметить, что, подобно мольеровскому герою, который говорит прозой, не отдавая себе в этом отчета, многие социологи и представители общественных наук не осознают этих изменений в полной мере. В своих исследованиях эти ученые подчеркивают решающую роль социокультурных факторов в причинном объяснении тех или иных социокультурных изменений, но в то же время выступают против принципов имманентного изменения и его имманентных факторов, явно оставаясь на "экстерналистской" точке зрения. Они как будто не понимают, что акцент на социокультурных факторах социокультурного изменения как главных факторах уже означает - с небольшими исключениями и оговорками - признание имманентной теории социокультурного изменения. **)

Третьим изменением в области "почему" социокультурного развития стали возрастание внимания к роли отдельных факторов (переменных) в отдельных социокультурных изменениях, особенно к роли социокультурных факторов, и большая точность в их изучении. В XX веке социология не открыла ни одного нового фактора социокультурных изменений, неизвестного социологии прошлого века. Но, изучая причинные связи, социология XX века гораздо точнее определила эти факторы - географические, биологические и особенно социокультурные, весьма неопределенно именовавшиеся ранее экономическими, религиозными, идеологическими, юридическими и т. д. В интересах точности эти широкие и довольно неопределенные факторы были разложены на множество более определенных и

четких "независимых переменных" и гораздо более тщательно изучены в их причинных связях с рядом более частных "зависимых социокультурных переменных". Разложив всеобъемлющий и неопределенный "экономический фактор" марксизма на такие переменные, как экспорт, импорт, цена товаров, уровень заработной платы и доходов, структура расходов, индекс деловой активности и т. д., и исследовав связи каждой из этих переменных с особыми формами преступлений, психических расстройств, самоубийств или сменой политических идеологий, социология XX века дала нам более определенное знание о связях между этими переменными, чем социология прошлого века. Таким же образом социология нашего века поступила и с другими предельно широкими факторами.

Возросшая точность факторного анализа явилась также результатом накопления в социологии и общественных науках XX столетия богатого фактического материала. Поскольку идеалом науки была "социология, нацеленная на факт", ею был накоплен более обширный систематизированный фактический материал столь необходимый для выдвижения и проверки любой гипотезы о причинной связи. Этот более обширный и более качественный фактический материал позволил социологии и общественным наукам XX века надежно проверять обоснованности причинных гипотез. В результате часть прежних теорий причин социокультурного изменения была признана ложной, другие объяснения пришлось уточнить и ограничить, а некоторые оказались даже более обоснованными, чем это казалось раньше (*). Этому возросшему стремлению к точности и надежности теории "почему" социокультурных изменений мы обязаны значительными достижениями современной социологии, но в нем же коренится и один из ее самых больших грехов - принесение приблизительной действительности в жертву обманчивой точности.

(* См. факты и теории в моих "Contemporary Sociological Theories", passim; "Dynamics", passim. *)

Главным изменением в социологии и общественных науках XX века стали, однако, нарастание разногласий и раскол на две противоборствующих направления в изучении каузально-факторных проблем "почему" социокультурного изменения. В менее явной скрытой форме это противоречие существовало уже в XIX веке. В XX веке оно углубилось, расширилось и переросло в открытый конфликт. Первый подход состоит в некритическом применении методов и принципов причинно-функционального анализа в том виде, в каком они утвердились в естественных, физико-химических науках. Второй подход заключается в специфически социокультурном понимании причинности, существенно отличающемся от сформулированного в естествознании, разработанном для изучения особой природы социокультурных явлений, причинных и функциональных связей между ними как в статическом, так и в динамическом аспекте. Сторонники "естественнонаучной модели причинности" в области социокультурных явлений считают, что эти явления по своей структуре подобны, даже идентичны физико-химическим и биологическим явлениям; следовательно, такие плодотворные в своей области методы и принципы причинного анализа естественных наук будут вполне адекватными для причинного анализа - как статического, так и динамического аспекта социокультурных явлений.

В соответствии с этими посылами сторонники "естественнонаучной причинности в общественных явлениях" в XX веке, во-первых, стремились к тому, чтобы выбираемые ими факторы, или "переменные" (изменения), были "объективными, поведенческими, операциональными" - чем-то материальным и осязаемым.

Во-вторых, их образ действий был "механическим и атомистическим" в том смысле, что они брали за переменную любой "трансубъективный" фактор, независимо от того, является ли он неотъемлемой частью какого-либо реального единства или изолированным явлением. Начиная с причин преступлений или "счастья в браке" и кончая более масштабными явлениями факторный анализ такого типа пытается перебрать по одному длинные или короткие ряды возможных факторов (например, для супружеского согласия или счастья: телосложение, цвет кожи, экономическое положение, вероисповедание, профессия, доход, климат, раса, национальность, etc., etc) и оценить, причем количественно, их

относительную значимость для исследуемого явления, приписывая каждому из факторов строго определенный "индекс влияния". Эта процедура повторяется при выявлении любых причинных связей.

В-третьих, опять же в полном соответствии с этими предпосылками, для упорядочения и "обработки" данных заимствуются разнообразные принципы естественных наук: физики и механики (от теории относительности Эйнштейна до современных теорий физики микрочастиц), принципы химии и геометрии, биологии и математики (современные течения "социальной физики", "социальной энергетики", "геометрической и топологической социологии", квазиматематические теории социального изменения и причинности, социометрические, "рефлексо-логические", "эндокринологические", "психоаналитические", "биологические" и другие социологические теории причинности и изменения).

В-четвертых, некоторые энтузиасты особенно усердно стараются применить "точный количественный метод" причинного анализа в форме различных псевдоматематических процедур и сложных статистических операций, твердо уверовав в возможность достижения истины посредством сложных механических операций, предписываемых их псевдоматематикой и псевдостатистикой (*).

(* Литературу по естественнонаучной причинности см. в моих книгах: Sociocultural Causality, Space, Time. Durham, 1943, chap. 1, 2; Contemporary Sociological Theories, Ch. 1, 11. Из современных работ, в которых эти тенденции доведены почти до абсурда, вполне представительны: Dodd S. C. Dimensions of Society. N. Y., 1942; Chapple E. D., Arensberg C. M. Measuring Human Relations. Provincetown, 1940; Horst P., Wallin P., Guttman L. and oth. The Prediction of Personal Adjustment. N. Y., 1941. Самое грубое, незрелое и наивное изложение философии этого рода см. в кн.: Lundberg G. A. Foundations of Sociology. N. Y., 1939. *)

В результате приверженности к этой якобы (*) "естественнонаучной причинности" теоретические и конкретные исследования социокультурных явлений и факторный анализ XX века создал обилие "исследований", переполненных цифрами, диаграммами показателями, сложными формулами - очень точными и "научными" на вид - простых и сложных причин существования и изменения любых социокультурных явлений, которые им приходилось изучать. Несмотря на шумные заявления и претензии сторонников этого направления, реальные результаты их весьма энергичных усилий разочаровывают. При тщательном рассмотрении их утверждения и послышки оказываются разновидностью грубейшей материалистической метафизики, непоследовательной и внутренне противоречивой, искажением методов и принципов естественных наук, логики и математики. А действительные результаты, полученные посредством этих "точных на вид" формул и операций, как правило, оказываются либо тщательной разработкой очевидного, либо формулами, обманчивыми в своей точности и противоречащими друг другу: с высокими показателями у одного и того же фактора в одной серии исследований и низкими в следующей, с высокими положительными коэффициентами корреляции между какими-либо переменными в одних работах и низкими или отрицательными коэффициентами между теми же переменными в других.

(* "Якобы" потому, что то, что они проповедуют как методы и принципы естественных наук, как правило, оказывается их собственным примитивным искаженным пониманием этих принципов. Их "математика" - это псевдоматематика, их геометрия и топология не имеют никакого отношения к настоящим геометрии и топологии; их "физика", "химия" и "биология" не более чем дилетантская стряпня, чуждая науке. И это открыто заявляют настоящие математики, химики, биологи, которым приходилось отзываться об этих работах. *)

Логико-математическая несостоятельность большинства этих предпосылок вместе с фактической бесплодностью достигнутых результатов вызвала значительное и растущее противодействие этой праздной игре в "естественнонаучную причинность" в общественных явлениях со стороны других социологов и обществоведов. Следуя традиции великих мыслителей прошлого, таких как Платон и Аристотель, и некоторых выдающихся ученых

XIX века, таких как сам Конт, Г. Риккерт, В. Дильтей и другие, они представили целый ряд ясных и убедительных доводов против этой "игры".

Во-первых, они констатируют, что каждая зрелая естественная наука имеет специфические принципы, методы и методики анализа причинных связей, соответствующие природе исследуемых явлений. Принципы, методы и методики чисто математических наук отличны от физических или биологических; методы и методики биологии отличаются от методов физики или химии; даже в рамках одной науки принципы, методы и методики физики микромира не те же самые, что в физике макромира.

Поэтому, возражают они, неправомерно утверждать, что существуют какие-то общие "естественнонаучные принципы, методы и методики", и тем более некритически применять их к изучению социокультурной причинности.

Во-вторых, они указывают на коренные различия в природе и структуре социокультурных и физических, биологических явлений; следовательно, изучение социокультурной причинности требует набора принципов, методов и методик, отличных от тех, которые применяются в физике или биологии, и соответствующих характеру причинных связей в социокультурном мире.

В-третьих, они утверждают, что, имея в виду "нематериальный" компонент этих явлений, невозможно безусловно оперировать "объективными", "материальными", "поведенческими", "операциональными" переменными, взятыми атомистически и механически, так как каждая социокультурная переменная (включая религиозные, экономические, юридические, этические, эстетические, политические и другие, которыми оперируют "социологи-естественники") "объективно воплощается во множестве "материальных носителей", различающихся химически, физически, биологически, перцептивно, материально, и ни одна из этих переменных не ограничена в своих материальных проявлениях каким-либо одним классом материальных явлений. Поэтому никому, даже "социологам-естественникам", непозволительно рассматривать какой-либо "объективный" материальный объект или неизменное проявление какого-либо из этих факторов, классов или групп социокультурных явлений; любая такая попытка, где бы и когда бы она ни предпринималась, оборачивается самыми грубыми ошибками.

Четвертое возражение состоит в том, что атомистическое изучение любого социокультурного фактора в его взаимосвязи с другими переменными невозможно, так как один и тот же социокультурный фактор А может совершенно по-разному относиться к переменной В в зависимости от того, являются ли А и В частями одной социокультурной системы (unity) или изолированными явлениями (congeries), дан ли фактор А в данной социокультурной констелляции или же в другой, например, фактор принадлежности к одной расе (А) оказывает ощутимое влияние на выбор партнера в браке (В) в обществе, где придается большое значение общности или различию рас партнеров, и небольшое (если вообще оказывает) влияние на тот же выбор В в обществе, где общности или различию рас партнеров придается небольшое значение или вообще не придается никакого значения; объективно одно и то же действие, скажем, А дает В тысячу долларов, может иметь десятки социокультурных значений - от выплаты долга или зарплаты до пожертвования или взятки. Подобно этому причинная связь данного действия с другими действиями А и В и с другими социокультурными явлениями находится в диапазоне от теснейшей причинной связи до нулевой, от связей с С и D или М и до связей с десятками других социокультурных переменных.

В-пятых, следует признать, что причинные связи в социокультурных явлениях вообще совершенно отличны от связей в атомистических несистемных совокупностях, агрегатах (congeries). В силу этих и многих других причин вряд ли можно говорить, что между социокультурными явлениями существуют чисто причинные связи, такие как в физических, химических и даже биологических явлениях. Скорее в этой области мы находим большей частью связи по значению и типологические связи (Sinn-Ordnung, Sinn-Zusammenhaenge, Verstehende (*)) и идеально-типические взаимосвязи В. Дильтея, Г. Риккерта, Макса Вебера,

Т. Литта Г. Гайгера и других представителей школы Дильтея Макса Вебера) или взаимосвязи "динамической групповой оценки (dynamic group assessment) (Макайвер), или то, что я называю значаще-причинными связями. Вряд ли возможно изучать эти специфические связи, механически применяя к ним догматические правила статистических методов, методы индукции или любые другие правила и методы той или иной естественной науки. Точность результатов таких исследований обманчива. Необходимы иной подход, иные методики, учитывающие "значащую составляющую" социокультурных явлений (отсутствующую в физико-биологическом мире), так как эта составляющая играет ведущую и решающую роль и является "ключом" как к простейшим, так и к сложнейшим системам значаще-причинных, статистических и динамических связей в социокультурном мире.

(* Смысловой порядок, смысловая связь, понимание. - Прим. перев. *)

Ряд социологов и обществоведов, рассуждая таким образом, на протяжении последних 20 лет пытаются создать систематическую теорию социокультурной причинности. Некоторые из них попытались применить эту теорию к конкретному анализу социокультурных систем - как широких, так и узких, не избегая даже предсказаний, касающихся дальнейшего развития этих малых и крупномасштабных социокультурных процессов.

(* Современный анализ, краткое изложение и система социокультурной причинности даны в кн.: Maelver R. M. Social Causation. Boston, 1942, и в моих кн.: Sociocultural Causality, Spase, Time и Social and Cultural Dynamics, vol. IV et passim. *)

Несмотря на то что эти теории специфической социокультурной причинности в настоящий момент весьма приблизительны и далеки от завершения, их развитие в ближайшее десятилетие обещает поставить причинный анализ в общественных науках на гораздо более твердое основание, чем то, которым он обладал до сих пор. А с улучшением инструмента исследований мы вправе ожидать и более значительных и плодотворных результатов, чем прежде.

Таковы вкратце основные различия в изучении социальной динамики в XIX и в XX столетиях.

Sorokin P. Sociocultural Dymanics and Evolutionism // Twentieth Century Sociology. N. Y., 1945. P. 96-120 (Перевод Л. Гурьевой).